

Поведенческие модели и речевой этикет викторианцев: переводческий аспект

Ю. П. Чалая

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация
Corresponding author. E-mail: j@chalaya.ru

Paper received 20.01.17; Accepted for publication 28.01.17.

Аннотация. Не-материальные культурно маркированные знаки Викторианской эпохи включают поведенческие модели и речевой этикет. Поведенческие модели актуализируются в подконцептах ЛЕДИ и ДЖЕНТЛЬМЕН, которые несут значительную социальную и культурную ценности и, как результат, могут иметь различные интерпретации в переводе.

Ключевые слова: художественный перевод, культурно маркированный знак, поведенческие модели, речевой этикет.

Особого внимания переводчиков заслуживает категория, которую можно назвать «не-предметным» миром викторианцев. Термин «не-предметный» мир не тождественен понятию «духовный» мир, которое является значительно более широким и более объемным. Духовный мир включает такие определяющие для Викторианства концепты, как РЕЛИГИЯ, МОРАЛЬ, НАУКА, БРАК, но они остаются за границами данной статьи, так как на вербальном уровне не представляют серьезных вызовов переводчикам.

Актуальность статьи обусловлена тем, что изучение вопроса - какие приемы используют переводчики для верного воссоздания чрезвычайно показательных ценностных параметров интеллектуальной и духовной жизни викторианцев, открывает новые пути для решения проблем переводоведения. **Целью** статьи является определение принципов передачи культурно маркированных знаков оригинального текста, выражающих поведенческие модели и речевой этикет викторианцев.

Выразительно маркированными в викторианском мире были поведенческие модели и речевой этикет. Слово «поведение» многозначно уже в общем (неспециальном) языке. Оно может означать «образ жизни; образ действий, характер поступков; исполнение правил внутреннего распорядка» [6, с. 275]. В семиотике и социальной психологии термин «поведение» больше приближен к общенародному значению этого слова (поведение – образ жизни, стиль жизни). Поведением человек обозначает свое место в среде и свое отношение к ближайшему окружению, а в более общем плане – к среде и социуму в целом.

Поведенческие и речевые модели Викторианской эпохи помогают лучше понять особенности английского национального характера и менталитета, осознать некоторые этнокультурные параметры поведения викторианцев, которые представляют существенные трудности для перевода.

А.В. Головня отмечает, что представления о мире, свойственные определенной лингвокультурной общности, передаются из поколения в поколение в виде мифов, архетипов, символов, стереотипов поведения, в том числе и языковых [1, с. 137]. Все упомянутые понятия соотносятся с мифологической картиной мира – теми базовыми понятиями, представлениями о мире, которые являются общими для носителей данного языка и которые служат основой их культурной идентичности [4, с. 96].

Поведенческие модели отличаются одна от другой критерием, который определяет силу, с которой они

предопределяют поведение человека. В этом плане различают три уровня ролей человека: статусные, позиционные и ситуационные [6, с. 296]. Статусные роли определяются принадлежностью человека к своему этническому коллективу (народу), его гражданством, в определенной мере принадлежностью к конфессии родителей и их социальному уровню. Позиционные роли складываются в зависимости от рода, возраста, социальной позиции, образования, профессии, а также в зависимости от межличностных отношений, которые сложились в конкретной группе (в том числе и во временной). Ситуационные роли имеют непродолжительный характер: это шаблоны (стереотипы) «ролевого» поведения покупателя, пассажира, пациента и т.д.

Викторианская культура характеризуется тем, что в XIX веке был заложен кодекс поведения «настоящего» англичанина, который и теперь остается глубоко укорененным в сознании обычного британца. Дж. Горер, который исследовал особенности английского национального характера, отмечает, что нация пиратов и забияк за триста-четырееста лет превратилась в общество приветливых и законопослушных граждан, для которых слово *gentle* стало важной характеристикой поведения [14]. Концепт ДЖЕНТЛЬМЕНСТВО и его составляющие: ДЖЕНТЛЬМЕН и ЛЕДИ (гендерное соответствие) был принесен в нашу культуру из британской действительности, причем его форма осталась неизменной, непереуведенной. Ценностные характеристики этого концепта органично взаимосвязаны и выступают логичным развитием норм рыцарского поведения. Отличает их от других норм то самое ограничение, которое было свойственно рыцарскому кодексу: эти нормы распространялись только на своих, только на тех, кто был джентльменом а priori, что объясняет установленные поведенческие модели по отношению к простолюдинам, слугам или туземцам.

Мужчины, которые принадлежали к джентльменскому кругу, узнавали друг друга по манерам, частично по образованию (круг этих уважаемых людей был относительно узким, так как они учились в одних и тех же закрытых школах, колледжах, университетах). А главное – по манере говорить, что представляет подлинно британскую особенность. Ч. Диккенс, У. Теккерей, У. Коллинз, Дж. Голсуорси относились к достаточно небольшой и высшей касте – английских джентльменов [7].

Считается, что викторианский джентльмен был законопослушным, уважал порядок, был образцовым

членом семьи. Слово «джентльмен» из-за типично английского смешения внешних признаков с внутренними достоинствами, приобрело два смысла. Оно означало чисто формальный факт – английский предок когда-то в прошлом исправил себе в геральдической палате фамильный герб. Но это слово имело и другой смысл: если человек родился джентльменом, этот факт должен был как-то обуславливать его духовные качества. Викторянцы были, например, нерушимо уверены, что джентльмен всегда лучше подходит для какой-либо должности (которая требует доверия), чем молодой человек, который успешно сдал экзамены для поступления на эту государственную должность, но не воспитывался с детства в соответствии с правилами морального кодекса джентльмена. Нельзя утверждать, что английский джентльмен – существо безупречное; как все обычные люди, у него были недостатки; не всегда реальные знания соответствовали классическому образованию, которое они получали. Как иронизирует О. Уайльд, “If a man is a *gentleman*, he knows quite enough, and if he is not a gentleman, whatever he knows is bad for him” [16, с. 94]. Еще одной характерной особенностью викторианских джентльменов была чрезмерная замкнутость, отстраненность. Они редко откровенно обсуждали свои истинные чувства даже с ближайшими людьми: Сомс Форсайт скрывает свою душевную боль от отца, который был ему духовно очень близким; так же точно сдержан и Чарлз Смитсон со своим дядюшкой в романе Дж. Фаулза: “They were both English gentlemen; and they carefully avoided further discussion of, if not further reference to the subject uppermost in both their minds” [12, с. 210].

Заимствованный из британской культуры концепт ДЖЕНТЛЬМЕН в переводе требует передачи *ассоциативного шлейфа*, который сопровождает его в сознании британцев. Для читателя *джентльмен* – это знак высокой культуры, для англичан – это еще и высокий социальный статус. “You say there was a *gentleman* in the pew... This gentleman was not one of our wife’s friends?” “No, no; *I call him a gentleman by courtesy, but he was quite a common-looking person*” [11, с. 236].

В произведениях писателей, которые в своих романах отражают Викторианскую эпоху, часто формируется концепт ДЕНДИ, не присущий русской культуре, и поэтому, он требует объяснения при переводе. “A man who can dominate a London dinner-table can dominate the world. The future belongs to the *dandy*. It is the exquisites who are going to rule” [16, с. 95]. Концепты ДЖЕНТЛЬМЕН / ДЕНДИ и ЛЕДИ ассимилировались в нашей культуре и уже не воспринимаются как варваризмы. ДЕНДИ имеет несколько негативную коннотацию – это человек, который слишком увлекается своей внешностью, тратит огромное количество времени и денег на свою одежду и постоянно беспокоится о впечатлении, которое производит (ныне существует полусленговый вариант - метросексуал). Переданные в переводе с помощью транскодирования, они создают в русской культурной среде *ассоциативный шлейф*, который частично совпадает с существующим в картине мира британцев, но все-таки, этот *ассоциативный шлейф* - более короткий и не такой яркий.

Концепт ЛЕДИ в викторианской действительности имел несколько коннотаций: право называться «леди» давалось далеко не всем, кто к этому стремился. Следует помнить, что концепт ЛЕДИ имеет двойное содержание: во-первых, это дворянский титул жены баронета и выше, и во-вторых, это социокультурный, аксиологический феномен, который содержит в себе понятие духовного благородства, утонченности, порядочности, воспитанности. Для первого значения подходит лишь перевод *леди*, как передали это большинство переводчиков, а другое переводится и как *леди*, и как *госпожа*, причем оба варианта выступают контрастом для обозначения *женщина* при употреблении в повествовании. Выражение «она настоящая *леди*» не обязательно связывается с социальным статусом (хотя он не исключается), а делает акцент на поведенческом превосходстве. В романе «Давид Копперфильд» Эмили, которая убежала из дома со Стирфортом, пишет своему дядюшке Дэну Пэгготи в прощальном письме: “When I leave my dear home – my dear home oh, my dear home! – in the morning, - it will be never to come back, unless he brings me back a *lady*, and I don’t pray for my own self. I’ll pray for all” [10, с. 372-373].

В высших классах британского общества существовал жизненный уклад, нарушение которого грозило утратой репутации в глазах света. Даже люди, которые занимали исключительное место, претерпевали презрительное осуждение за пренебрежение теми либо иными условностями. Королева Виктория сама жила по жестким правилам и расписанию и требовала того же от своих подданных. Она собственноручно писала детальные правила поведения человека в обществе – правила этикета, что в других странах воспринимали как «английскую манерность», блестяще воссозданную в рассказах А. Конан Дойла, Г.Х. Манро и пьесах О. Уайльда.

Королева определила «викторианский стиль», который касался всех сфер жизни: от чайных церемоний до фасонов одежды. Принадлежность к высшему классу общества требовала сурового выполнения правил этикета: например, женщины не могли появиться на приеме, или просто на улице, без перчаток, а мужчины без шляпы. Поэтому героиня рассказа Г.Х. Манро, светская дама, была шокирована вызывающим и, как на ее взгляд, социально неприемлемым поведением своего племянника, который сопровождал ее во время посещения магазинов без головного убора: “Where is your hat?” she asked. “I didn’t bring one with me”, he replied. Adela Champing was slightly scandalized. “There now”, exclaimed Adela to herself, “she takes him for one of the shop assistants because he hasn’t got a hat on” [15, с. 127]. Похожая ситуация складывается и в романе Ч. Дикенса «Большие надежды»: “While Miss Skiffins was taking off her bonnet (she retained her green gloves during the evening as an outward and visible sign that there was company),... [10, с. 347].

Приверженность условностям, респектабельность или желание казаться респектабельными определяли образ жизни викторианцев. Тем, кто живет в динамичном, беспокойном XXI веке, трудно понять расписание, по которому жили, например, тетюшки Энн, Эстер и Джулия Форсайт: “To wait! For “The Times”

to read;...”, “To wait, one on each side of the hearth in the drawing-room, for the clock between them to strike;...” [13, с. 239]. “To wait in their black silks or satins for **the Court** to say that Hester might wear her dark green, and Juley her darker maroon” [13, с. 239]. Правильной является замена при переводе слова “**the Court**” – «светские обычаи» [2, с. 257], так как светское общество (которое состояло из высших классов) в XXI веке играло роль настоящего викторианского судьи, тут может иметься в виду и королевский двор, обычаи которого наследовались в классе «высшего среднего».

Распорядок дня высших слоев общества кратко представлен в пьесе О. Уайльда «Идеальный муж»: “How can you say such a thing? Why, he rides in the Row at ten o'clock in the morning, goes to the Opera three times a week, changes his clothes at least five times a day, and dines out every night of the season. You don't call that leading an idle life, do you?” [16, с. 126].

Поведение викторианцев отмечено высокой семиотичностью и имеет жесткую иерархию – нарушение стереотипа становится культурно маркированным, наполненным содержанием. Современный читатель перевода «Дэвида Копперфильда» не полностью осознает, почему Дэн Пэготти отказывается сесть в доме миссис Стирфорт, хотя ему это и предлагают. Читателю-англичанину полностью ясно, что мистер Пэготти отклоняет ее попытки достичь взаимопонимания, подчеркивает, что они находятся «по разные стороны баррикады».

Необходимо заметить, что важной чертой британского общества является наследственность поколений. Поведенческие нормы (коды) общества складываются исторически и существуют в виде писанных и неписанных законов. «Писанные законы» поведения составляют область права и в современном мире регламентируются законодательством. Для британцев глобальное значение имеют «неписанные законы» – обычаи и традиции, в большей мере условные. Викторианские нормы поведения переходили к следующим поколениям британцев, трансформируясь в соответствии с современными «писанными законами», но все-таки они оставались основанием современной британской поведенческой и культурной традиций.

Манера выражать свои мысли в британском обществе в свою очередь основывается на четко определенных социальных ролях (статусных, позиционных и ситуационных), которые формируют речевой этикет британцев. По определению, предложенному Лингвистическим энциклопедическим словарем, «**речевой этикет**» – система устойчивых формул общения, которые рекомендуются обществом для установления речевого контакта собеседников, поддержания общения в выбранной тональности, в соответствии с их социальными ролями и ролевыми позициями касательно друг друга. В широком смысле речевой этикет, связан с семиотическим и социальным понятиями этикета, он осуществляет регулирующую роль во время выбора того или иного регистра общения» [5, с. 413-414].

Синонимический ряд единиц речевого этикета отмечен разнообразием, так как между собой общаются коммуниканты, различные по социальным признакам и в процессе социальных взаимодействий. Маркиро-

ванные знаки, которые преимущественно употребляются в одной среде и не употребляются в другой, приобретают свойства социальной символики. Речевому этикету присуща яркая национальная специфика, связанная с неповторимостью узуального речевого поведения, обычаев, ритуалов, невербальной коммуникации представителей конкретного региона и социума. Следовательно, речевой этикет является способом выражения этнокультурной специфики общения викторианцев.

Манера речи в британском обществе была показателем не только социального статуса человека, а и социального происхождения, начиная с XVIII в., а возможно, и намного раньше. Произношение слов и интонация могли сразу охарактеризовать викторианца в окружении его соотечественников. Викторианцы разговаривали поразительно похоже на то, как говорят их потомки в подобных сферах деятельности в наши дни. В XIX веке четкой была градация между языком, например, джентльменской касты и языком «кокни». Слуга Сэм в романе Дж. Фаулза «Любовница французского лейтенанта» копировал манеру своего хозяина одеваться. Иногда он внешне выглядел похожим на джентльмена больше, чем сам Чарльз Смитсон. Но его выдавала речь, как только он начал говорить – сразу же превращался в такого же «кокни», каким был славноизвестный Сэм Веллер в «Записках Пиквикского клуба» Ч. Диккенса (этот роман выступает в произведении Дж. Фаулза прецедентным текстом): “By 1870 Sam Weller's famous **inability to pronounce V except as W**, the centuries-old mark of the common Londoner, was as much despised by the “snobs” as by the bourgeois novelists who continued for some time, and quite inaccurately, to put it into the dialogue of their Cockney characters. The snobs' struggle was much more with the aspirate; a fierce struggle, in our Sam's case, and more frequently lost than won. But his **wrong a's and h's** were not really comic; they were signs of a social revolution, and this was something Charles failed to recognize” [12, с. 47]. В тексте оригинала автор конкретно указывает ошибки в произношении, которые были характерны для речи «кокни» и отличали ее от речи высших слоев английского общества. В переводе этого фрагмента уместно использовать прием генерализации, а именно заменить конкретные отклонения от нормы гиперонимом «**акцент**», что и сделала переводчица Мона Беккер [9, с. 20].

С подобными отклонениями от языковых стандартов эпохи разговаривает челядь во многих романах Ч. Диккенса, У.М. Теккерея, У. Коллинза, но самыми яркими примерами такой речи, причем на сюжетном уровне, остаются Элиза Дулитл и ее отец из пьесы Б. Шоу «Пигмалион».

С течением времени значение некоторых слов изменилось, изменились некоторые грамматические конструкции, но в целом речь разных слоев английского общества сохраняет свои стойкие определяющие черты.

Следует заметить, что в английском языке большое значение для правильного восприятия имеет фоновое знание сферы использования различных форм обращения к собеседнику. Употребление фамилии мужчины без добавления Mr было чуть ли не единственно возможной формой обращения среди мужчин одного

возраста (в социальной группе “upper-middle class”- выше среднего и выше) до второй Мировой войны. С течением времени этот вид обращения постепенно заменяется именем, когда общаются социально равные и достаточно близкие люди. Сталкиваясь в процессе чтения с тем или иным видом обращения, читатель представляет соответствующих персонажей как людей определенного возраста, эпохи и общественно-го положения именно потому, что они обращаются друг к другу с использованием соответствующих форм обращения. Эти формы в английском языке представляют особую проблему для перевода, а именно, для выбора между формами второго лица местоимений *ты* или *вы*.

В переводе пьесы О. Уайльда «Идеальный муж» леди Чилтерн обращается к мисс Мэйбл Чилтерн, своей золовки, на *ты*, а Мэйбл говорит ей *вы* [8].

Переводчица романа «Дэвид Копперфильд» А. Бекетова на протяжении всего романа не использу-

ет форму *ты*, меж тем обращение на *вы* к маленькому ребенку или собаке воспринимается неестественно для славянской культурно-языковой традиции [3].

Иногда выбор между *ты* и *вы* можно определить с помощью подсказок автора. Например, Шерлок Холмс и доктор Уотсон обращаются друг к другу, называя фамилию, следовательно, в переводе нужно использовать местоимение *вы*. В викторианском социуме это обращение воспринимается естественнее, чем *ты*, так как подчеркивает формалистичность межличностных отношений. Круг людей, с которыми допустимым является обращение *ты*, был ограниченным: Холмс был на *ты* лишь со своим братом Майкрофтом, а Уотсон – лишь с женой, которая называла его Джоном [11].

Речевой этикет выступает существенным параметром в социо-семиотическом анализе оригинала и переводов, направленном на достижение динамической эквивалентности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головня А. В. Міфологічний компонент ККС та МКС // Вісник Житомирського державного університету імені Івана Франка: Науковий журнал. – Житомир: Редакційно-видавничий відділ Житомирського державного ун-ту імені Івана Франка, 2005. – Вип. 23. – С.137-138.
2. Голсуорси Дж. Сага о Форсайтах. – М.: «Известия», 1958. – Т.1. – 372 с.
3. Диккенс Ч. Дэвид Копперфильд / Пер. с англ. А. Бекетовой. – Рига: Лат. гос. издат-во. – 1949. – Т.1., 2. – 454 с.
4. Крюкова Н. Ф. Метафоричность как критерий менталитета различных групп людей // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: Сборник статей. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2001. С. 90-99.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Яцева. – М.: Советская Энциклопедия, 1990. – 685 с.
6. Мечковская Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций: Учеб. Пособие для студ. филол., лингв. и переводовед. фак. высш. учеб. заведений. – М.: Изд. центр «Академия», 2004. – 432с.
7. Сноу Ч. П. Треллоп / Пер. с англ., предисловие В.В. Ивашевой. – М.: Высшая Школа, 1981. – 208 с.
8. Уайльд О. Портрет Дориана Грея: Роман. Рассказы. Пьесы / Пер. с англ. послесл. С.И. Бэлзы; Ил. А.П. Мелик-Саркисяна. – М.: Правда, 1987. – 480 с.
9. Фаулз Дж. Любовница французского лейтенанта / Пер. с англ. М. Беккер, И. Комаровой. – М.: ООО Изд-во АСТ; Харьков: Фолио, 2000. – 231 с.
10. Dickens, Charles. David Copperfield. – L.: Penguin Books, 1994. – 716 p.
11. Doyle, Arthur Conan. The Adventures of Sherlock Holmes. – N. Y.: Berkley Medalion Books, 1999. – 304 p.
12. Fowles, John. The French Lieutenant’s Woman. – L.: Vintage, 2004. – 445 p.
13. Galsworthy, J. The Forsyte Saga. (In Chancery.) – Moscow, Progress publishers. – /1975/. – 304p.
14. Gorer, J. Exploring English Character. – New York: Criterion Books, 1955. – 328 p.
15. Saki. The Best of Saki. – Harmondsworth: Penguin Books, 1994. – 179 p.
16. Wilde, Oscar. Five Plays by Oscar Wilde. — N.Y.: Bantam Books, 1961. – 300 p.

REFERENCES

1. Golovnia, A. V. The mythological component CWP and LWP // Journal of Zhytomyr State University: Scientific journal. – Zhytomyr: Printing and publication department, 2005. – Issue 23. – P. 137-138.
2. Galsworthy, J. The Forsyte Saga. (In Chancery.) – Moscow, Progress publishers. – /1975/. – 304p.
3. Dickens, Charles. David Copperfield / Tr. from English by A. Beketova. – Riga: Lat. st. publishing house. – 1949. – V.1,2. – 454 p.
4. Kryukova, N.F. Metaphoric feature as a criterion of mentality in different groups of people // Lingual being of human and ethnos: psycholinguistic and cognitive aspects: Collection of articles. – Barnaul: Altay st. university, 2001. P. 90-99.
5. Linguistic encyclopedic dictionary / edited by V.N. Yartsev. – M.: Soviet Encyclopedia, 1990. – 685 p.
6. Mechkovskaia N. Semiotics: Language. Nature. Culture: Course of Manuals for students.
7. Snow, Ch.P. Trollope/ Tr. from Eng., foreword by V.V. Ivasheva. – M.: High School, 1981. – 208 p.
8. Wilde, Oscar. The Picture of Dorian Gray: Novel. Stories. Plays / Tr. from Eng. S.I. Belza; M.: Pravda, 1987. – 480 p.
9. Fowles, J. The French Lieutenant’s Woman / Tr. from Eng. M. Becker, I. Komarova. – M.: PH AST; Kharkov: Folio, 2000. – 231 p.

Behaviourial stereotypes and speech etiquette of Victorians: translation aspect

J. Chalaya

Abstract. Ideational, non-material culturally marked signs of the Victorian epoch include behavioural stereotypes and speech etiquette. Behaviourial stereotypes are actualized in the sub-concepts LADY and GENTLEMAN, which are endowed with great social and cultural value and, as such, may find several interpretations in translation.

Keywords: fiction translation, culturally marked sign, behavioural stereotypes, speech etiquette.